

Покинув Электру, я назначил встречу, чтобы обсудить откровения о ее прошлом и Стике со всей группой на следующий день, а затем направился в апартаменты Наташи.

Когда я нажал кнопку пропуска, я был слегка удивлен, что дверь приоткрылась; обычно она требовала разрешения. Я вошел в открытую дверь и тихонько постучал в стену рядом, глядя на Наташу, свернувшуюся калачиком на диване, с книгой русских стихов в руках и стаканом водки на столе.

Я вопросительно посмотрел на нее, и она указала рукой на место рядом с собой. «Пришел поговорить о моем прошлом?»

Когда я сел, то отрицательно покачал головой. «Нет, но я готов выслушать, если ты хочешь поговорить».

Она слегка фыркнула. «Я русская, мы храбрый народ. К тому же, что тут говорить. Мое прошлое ужасно, но я выжила, и те, кто заставляли меня страдать в этой жизни, горят в самом порочном из адов, благодаря моим собственным рукам. Я такая, какая есть, и я ничего не могла поделать со своей ситуацией. Позволить этому продолжать влиять на меня – значит позволить им победить. А позволить победить меня – я этого не допущу».

«Это очень сильно». Я пробормотал в страхе, прежде чем сказать громче: «Я знал, что твое прошлое было плохим, и догадывался, что оно даже хуже, чем я себе представлял, но я даже не мог подумать, что оно настолько ужасно. Я удивлен, что ты сказала Электре».

«Почему? Ей нужна была помощь, и я смогла убедить ее, что у кого-то может быть хуже, и все же я осталась невредимой, пройдя через это. Мы поклялись помогать друг другу, как только сможем. Я серьезно отношусь к своим клятвам, и я могла помочь, что я и сделала. Это не та история, которую я люблю рассказывать, она вызывает плохие воспоминания, но мне также не стыдно за нее. Преступления были совершены не по моей вине. Я выжила и отомстила обидчикам». Она была спокойной, хотя и искренней.

«Все это может быть и правдой, но я все равно чувствую себя плохо из-за этого. Тебя постигла участь, которую я бы не пожелал ни одному ребенку. Ты избежала этой участи только для того, чтобы продолжать жить той жизнью, которой они тебя заставили. А затем появился я и продолжил, используя тебя таким же образом». Я попытался выразить свои чувства к ней, и мысли о своей выгоде.

Она яростно покачала головой. «Нет, Октавиан. Ты был не таким, как они. С самого начала ты относился ко мне как к партнеру, а не как к инструменту. Ты доверял мне свои планы, когда у тебя не было возможности обеспечить мою верность, и хотя я, возможно, выполняла твои просьбы, ты ни разу не приказал мне что-либо сделать. Даже в самом начале ты ничего не делал, кроме как предложил мне работу, и позволял мне выполнять ее или нет, как я хотела. А затем ты дал мне повод, благодаря которому я чувствую себя хорошо. У меня много кровавого в моей жизни, Октавиан. После того, как я стала независимой, я делала то, что было злом в некотором роде. Я когда-нибудь говорила тебе, какой была моя последняя работа до того, как ты меня нанял?»

Я вспомнил наши предыдущие разговоры. «Нет, я так не думаю».

«Я взорвала детский сад, Октавиан. Двести семнадцать детей. И все из-за чека, в котором я даже не нуждалась. Хочешь знать, о чем я сожалею? Это не мое детство, это не все работы,

которые я выполняла, когда меня учили, это не та работа, которую я проделала с тобой. Нет, я согласилась на эту работу вместо того, чтобы убивать всех до единого из козлов, которые давали мне задания. Так что, здесь, с тобой, с тем, что мы делаем, я чувствую, что могу сделать достаточно хорошего, чтобы хотя бы уравновесить чаши весов. Я никогда не смогу стереть красный цвет, но, по крайней мере, я могу его разбавить. И ты дал мне такую возможность, которую я никогда не ожидала получить, Октавиан. Так что никогда не думай, что ты был похож на этих мерзавцев из моего прошлого».

Она выглядела более уязвимой, чем я когда-либо видел ее раньше, и по ее лицу было ясно, что она ожидала, что я отшатнусь в ужасе.

Вместо этого я протянул руку и заключил ее в объятия. «Наташа, я позволю городу сгореть, просто чтобы закалить горстку людей и ради пиара. Преступления, которые я совершаю и буду совершать, как действием, так и бездействием, имеют и оставят мою жизнь красной от крови невинных. Я делаю это из-за денег? Нет, но мотив не имеет значения, в конечном счете. Эти невинные все равно будут мертвы, их семьи по-прежнему потеряют своих близких, жизни будут разрушены. Я мог бы попытаться рационализировать эти действия, сказать, что они являются необходимыми жертвами для большего блага, и это все же будет правдой. Но, в конце концов, рационализация – это путь к самообману и сожалению. Эти люди умерли и умрут, потому что я сам по собственной воле решил убить их или позволить им быть убитыми. Я могу, в конечном итоге, ошибаться. В будущем может появиться некоторая информация, которая позволит мне пойти менее кровавым путем.

«И это не имеет значения. Я сделал тот выбор, который сделал, потому что я счел это правильным выбором на основе информации, которая у меня была в то время. Ты не чувствуешь сожаления, что убила этих детей. Ты была и остаешься слишком сильной, чтобы позволить кому-либо принуждать тебя к тому, что ты не хочешь делать. То, что ты называешь сожалением, – это твое нежелание признать свой выбор. Хорошо это или плохо, ты решила совершить это действие по причинам, которые считала обоснованными в то время. Очевидно, ты узнала больше о себе и нашла путь, более верный для тебя самой.

«Это оправдывает то, что ты сделала? Нет, но тебе не нужны оправдания, и единственное, что действительно имеет значение, – это то, что ты даешь себе. В конечном счете, перевесит ли добро, которое ты делаешь, зло? Это могут судить другие, а нечто большее находится далеко за пределами наших возможностей понимания и предсказания. Беспокойство о том, как нас будет судить какая-то теоретическая сущность в какой-то теоретический будущий срок, не просто бессмысленно, но и на самом деле вредно».

Наташа долго смотрела мне прямо в глаза, что-то ища. «Ты действительно в это веришь. Я ожидала, что ты отступишь или, возможно, предложишь банальности. Но нет, ты дал мне честность. Я не уверена, что я полностью согласна с твоей позицией, но это дает мне повод задуматься».

Я слегка пожал плечами. «Ты не заслуживаешь меньшего. Однако я советую тебе сесть и по-настоящему подумать о своем собственном моральном кодексе. Каковы твои действия? Что ты будешь делать, чтобы получить что-то взамен? Не слушай религиозные тексты или слова от кого-то другого, просто сядь одна в своей комнате и подумай о том, кто ты и что ты. Кто такая Наталья Алиановна Романова?» Она слегка подпрыгнула от того, что я назвал ее полное имя, очевидно, думая, что я его не знал. «А когда у тебя будет свой кодекс, когда ты будешь знать, кто ты есть, всегда будь верна себе, и у тебя никогда не будет причин для сожаления. Ведь если ты сожалеешь о каком-то поступке, это означает, что ты не смогла полностью познать себя».

Она посмотрела на меня с ошеломленным удивлением. «Вот как ты живешь?»

«В детстве я впервые прочитал Библию. Решил, что она настолько полна дыр и заблуждений, что единственный способ, которым я могу следовать за ней, - это если сам Бог спуститься и скажет мне следовать ему под страхом вечности в аду. Я быстро решил, что все остальные предполагаемые моральные и этические учения - такой же мусор, потому что, в конечном счете, все они были созданы людьми и, таким образом, имели не больше естественной легитимности, чем мое собственное мнение. Поэтому я сел и вывел личный моральный и этический кодекс, основанный на первых принципах, а затем я жил по нему».

Она кивнула. «И с тех пор у тебя не было причин сожалеть?»

«Только один раз, да и то, я знаю, что это иррационально», - сказал я очень тихо.

«Что это было?» - спросила она так же тихо.

«Отвести тебя к себе в постель. Я знал о твоём прошлом достаточно, чтобы догадаться, а потом я использовал тебя так же, как мужчины используют тебя с детства».

Она покачала головой и хлопнула меня по руке. «Нет, ты меня никуда не отводил. Тогда я могла убить тебя без всяких усилий, и я была более чем добровольным участником. Ты не велел мне ложиться в твою постель, и все, что мы делали, это тра*ались. Это было не что иное, как удовольствие и расслабление для нас обоих. Красная Комната ошибалась практически во всем, но они были правы в одном, чему меня научили: тело - это тело, а разум - это разум. То, что происходит с одним, влияет на другое, только в том случае, если ты решишь это допустить. Мы тра*ались, точно так же, как я спала с каждым хоть сколько-нибудь приличным парнем на всей этой базе в тот или иной момент, точно так же, как я спала с некоторыми из самых злых ублюдков вокруг. В лучшем случае это было не более чем мгновенное удовольствие и расслабление. В худшем случае это была просто неприятная, но необходимая часть достижения цели. В любом случае это не имело значения, потому что я решила не приписывать этому никакого смысла, и поэтому не о чем сожалеть».

Я слегка улыбнулся и вздохнул. «Очень похоже на мое собственное мнение, и я полагаю, что если у тебя нет никаких проблем с этим, то мое сожаление действительно бессмысленно».

Она наклонилась и поцеловала меня, прежде чем прошептать мне на ухо. «Хорошо, теперь отведи меня в постель и займись со мной любовью».

<http://tl.rulate.ru/book/30771/1134169>